ФОРМЫ

КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ

ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ

XVI вѣка.

Профессора Михаила Флегонтовича Владимірскаго-Буданова.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. О-ва печатнаго и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицаго, Меринг. ул., 6.
1911.

Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Западной Россіи XVI вѣка.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мною было напечатано изслѣдованіе о крестьянскомъ землевладѣніи въ Западной Россіи до полов. XVI в.[1]), и тогда же въ другомъ изданіи—дополненіе къ нему: „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI в.“ [2]). Но послѣднее осталось незаконченнымъ: въ немъ указаны лишь основныя общія формы, свойственныя не одному Литовско-русскому государству, но также и государству Московскому, а именно: волость, село и дворища; послѣднія, т. е. дворища хотя и признаются иногда особенностію Западной Россіи, но въ сущности ничѣмъ не разнятся отъ печищъ и складническихъ деревень сѣверной Россіи. Другой рядъ формъ крестьянскаго землевладѣнія, параллельный сейчасъ указанному, остался тогда незатронутымъ. Между тѣмъ въ этихъ другихъ формахъ въ особенности ясенъ повинностный характеръ общинъ; что́ даетъ возможность вѣрнѣе и всестороннѣе обсудить спорный вопросъ о происхожденіи и характерѣ древнерусскихъ земельныхъ общинъ, т. е. вопросъ о томъ—были ли эти общины продуктомъ фискальныхъ (довольно позднихъ) мѣръ правительства. Уже и прежде (при обозрѣніи системы дворищъ) мы указывали вліяніе повинностнаго характера на древнія—естественныя

---

1) Чтенія въ ист. общ. Нест. лѣт. Кн. VII, 1893.

2) Кіев. Сбор. 1892 г.

формы совладѣнія, говорили о томъ, какъ измѣнялся видъ дворищъ, когда эти послѣднія замѣнялись „службами". Но повинностное значеніе въ особенности ясно въ другихъ формахъ общежитія, о которыхъ тогда было не договорено.

Считаемъ нелишнимъ докончить рѣчь, начатую давно, объ этомъ предметѣ, имѣя въ виду исключительно историческій, научный интересъ.

Вторая серія формъ, о которыхъ будемъ говорить теперь, основана на численной (математической) системѣ общественныхъ союзовъ, столь распространенной у всѣхъ древнихъ народовъ, начиная съ римскихъ центурій и проходя по древне-германскимъ сотнямъ—центенамъ. Какъ извѣстно, древній строй общества слагался по тремъ началамъ: родовому, территоріальному и численному. Нѣтъ ни одного общества, которое бы было построено по одному изъ этихъ началъ исключительно; но при этомъ территоріальныя, родовыя и численныя формы общества стояли не рядомъ, а покрывали одна другую. Всѣ онѣ древняго естественнаго происхожденія. А потому численный (математическій) характеръ общинъ отнюдь не указываетъ тѣмъ самымъ на позднее искусственное созданіе ихъ.

Не забѣгая впередъ, предоставимъ рѣшеніе дѣла нижеслѣдующимъ фактическимъ даннымъ, касающимся главн. обр. имущественныхъ правъ.

Во внутреннихъ областяхъ Литовскаго государства въ XVI вѣкѣ къ имущественнымъ отношеніямъ крестьянъ ближе, чѣмъ волость, стоятъ подраздѣленія ея разныхъ наименованій.

1. Въ государственныхъ владѣніяхъ крестьяне по роду повинностей и занятій раздѣлялись на земледѣльцевъ (тяглыхъ, чиншевыхъ и данныхъ) и *ремесленниковъ*; эти послѣдніе жили обыкновенно близъ центральнаго поселенія (каковы: санники, мурали, дойлиды, колесники и т. д.); хотя и они занимались земледѣліемъ и владѣли землею на общихъ основаніяхъ, но характеръ ихъ повинностей былъ другой; они, въ замѣнъ тягла и платежей, обязаны были доставлять на замокъ или дворъ вел. князя опредѣленное число произведеній

своего ремесла, или совершать въ пользу замка извѣстное количество работъ. Люди каждаго изъ такихъ ремеслъ составляли общество, именуемое *сотнею* [1]) и управляемое сотникомъ. Имуществами своими они владѣли подъ условіемъ отправленія службы, а потому переходъ этихъ имуществъ по сдѣлкамъ, или по наслѣдству, подлежалъ надзору общинныхъ властей (а затѣмъ и государственныхъ): продавшій санницкую землю долженъ представить гарантію, что остального его имущества хватитъ для надлежащаго отправленія санницкой службы. Купившій колесницкую землю долженъ быть обязанъ отправлять колесницкую службу. Наслѣдникъ долженъ научиться родовому ремеслу, чтобы получить утвержденіе въ правахъ наслѣдства.

Въ виду такого характера ремесленныхъ сотенъ можно-бы подумать, что эта форма не имѣетъ территоріальнаго характера и слѣдов. и прямого отношенія къ землевладѣнію. Но это не такъ: ремесленники одного общества занимали участки земли въ одномъ пунктѣ (не вдали отъ замка) и составляли территоріальныя общины (подобно древне-московскимъ сотнямъ), и потому всѣ явленія общиннаго быта, которыя можно наблюдать въ дворищахъ и селахъ могли имѣть мѣсто и здѣсь.

Иногда сотни имѣли чисто территоріальный характеръ, заключая въ себѣ въ такомъ случаѣ уже не ремесленниковъ, а просто крестьянъ; такъ въ Городенскомъ пов. находимъ „Сѣницкое *сотництво*" [2]).

2. Но подраздѣленіями собственно—волостными были *сорокѝ* и *недѣли*.

Сорокъ—несомнѣнно было бытовое и древнѣйшее наименованіе этихъ общинъ; поэтому, хотя терминъ „сорокъ" мы находимъ только въ актахъ Гродненскаго повѣта, но отнюдь нельзя считать эту форму

---

[1]) Ак. Вил. Ком. XVII, № 944 (сотникъ—конюшій), № 157 (колесницкій), № 195 (санницкій).

[2]) Ibid. XVII, № 357.

исключительно—мѣстною. Имена сороко́въ заимствуются частію отъ территоріи; напр. (въ Гродненскомъ пов.): Бобренскій, Туровскій, Снарскій и т. д.; но б. ч. отъ именъ лицъ, поставленныхъ когда-то въ управленіе общинами: Бѣлчинъ, Богушовъ, Демидскій, Матѣевъ, Мелешковъ, Юшковъ и проч. [1]).

Правители сороко́въ — „сорочники" избирались изъ числа мѣстныхъ жителей и иногда оставались въ этихъ должностяхъ весьма продолжительное время (до 30 л. и больше); иногда званіе это передавалось отъ отца къ сыну.—Въ тѣхъ случаяхъ, когда сотни имѣли территоріальное значеніе, понятія сотни и сорока́ сливались и начальникъ сорока́ называется сотникомъ; такъ крестьянинъ Бобренскаго сорока́ (Гродн. пов.) жаловался (въ 1540 г.) на другого крестьянина о невыдѣлѣ наслѣдственнаго сѣнокоса; староста приказалъ „Николаю сотнику, чтобы онъ съ другими сорочниками произвелъ дознаніе" [2]). Въ числѣ гродненскихъ сороковъ одинъ называется Сотниковымъ [3]).

Жители извѣстнаго сорока̀, тоже называемые сорочниками, собираются въ сходки или копы для рѣшенія споровъ по имуществу между своими сочленами, для раздѣла имуществъ и проч.

3. Сороки, какъ общины территоріальныя, стоятъ въ непосредственномъ соотношеніи съ „*недѣлями*", составляя подраздѣленіе этихъ послѣднихъ; такъ въ одномъ случаѣ въ томъ-же Гродиен. пов. (въ 1541) заявленъ искъ „на подданныхъ господарскихъ Новой недѣли Бобренскаго сорока" [4]). Упоминаются также крестьяне Новой недѣли Снарскаго сорока̀ [5]) и Добкова сорока̀ тойже недѣли [6]).

---

[1]) См. А. Вил. Ком. XVII passim.
[2]) Ibid. XVII, № 367.
[3]) Ibid № 59.
[4]) Ibid. XVII, № 46, 881.
[5]) Ibid № 75.
[6]) Ibid № 497.

Недѣля составляетъ подраздѣленіе волости, напр. въ Мозырскомъ повѣтѣ (по люстраціи 1552 г. [1]). Какъ городская община (г. Мозырь) дѣлится на „недѣли", такъ и сельскія волости состоятъ каждая изъ нѣсколькихъ „недѣль", заключающихъ въ себѣ большее или меньшее количество селъ; а именно: въ волости Мозырской недѣли: Ипская (6 селъ), Богушицкая (3 села), Домановицкая (6 селъ), Айтючицкая (5 селъ), Загальская (3 села), Скриголовская (2 села). Въ волости Бчицкой: недѣля Лучицкая (2 села), Багриновская (3 села), Волосовская (1 с.), Скавишинская (7 селъ), Рудобельская (1 с.), Сокирицкая (1 село). Итакъ въ цѣломъ повѣтѣ двѣ волости, изъ которыхъ въ каждой по 6 недѣль.—Большая часть упомянутыхъ недѣль носитъ наименованіе отъ главнаго села; напр. Багриновская отъ с. Багриновичи, Лучицкая отъ с. Лучинцы и т. д. Но нѣкоторыя недѣли не имѣютъ соотвѣтствующихъ наименованій въ именахъ селъ, ихъ составляющихъ; таковы: недѣля Ипская, (въ Мозыр. волости) и Сковишинская (въ Бчицкой).

Нѣкоторыя недѣли въ значительной степени изолируются отъ волости; имѣютъ своего отдѣльнаго старца (нед. Рудобельская) и даже иногда называются волостью; напр. въ той-же недѣлѣ крестьяне, по отправленію извѣстныхъ повинностей и взносу платежей, пользовались такою привилегіею: „а намѣсникъ тежъ на волость не възежчалъ", т. е. намѣстникъ правителя повѣта не имѣлъ права въѣзжать въ эту волость для сборовъ и производства суда и требовать на это время содержанія себѣ. Между тѣмъ эта „волость" состоитъ изъ одной недѣли, а недѣля изъ одного (большого) села. Вообще въ Бчицкой волости повинности располагаются по „недѣлямъ"; такъ въ недѣлѣ Лучицкой хотя два села, но оба разсматриваются вмѣстѣ, какъ одна община; съ цѣлой общины берется за тивунщину, за данничее и ловчее (кадь меду), за бобры и за куницы. О количествѣ податей община имѣетъ особую „уставу господарскую". Цѣлая община владѣетъ землею—семью пустошами, изъ

---

[1]) Арх. Ю. З. Р. ч. VII, I. № LXXXV.

которыхъ за одну уплачиваетъ копу грошей, а за другую 2 камня меду.—Сельская община и недѣля сливаются также въ недѣлѣ Волосовской (до 95 хозяевъ), Рудобельской (одно село Рудня Бѣлки) и Сокирицкой (одно село Секиричи); въ Сковишинской недѣлѣ хотя 7 селъ, но всѣ они представляютъ одну общину съ общими повинностями. Подобно тому, какъ сотни состоятъ въ соотношенiи съ сороками, точно также и недѣли имѣютъ связь съ сотнями; такъ въ Гродненской находимъ „сотника Новой недѣли"[1]).

4. Наименованiе—сотня встрѣчаемъ въ актахъ многихъ частей государства; наименованiе „недѣля" въ Гродненской, Кiевской и другихъ областяхъ; названiе „сорокъ"—только въ Гродненской. Въ Пинскомъ и Клецкомъ повѣтахъ находимъ раздѣленiе волостей на *десятки*. Здѣсь находимъ центральный десятокъ, называемый „волостнымъ" [2]), и затѣмъ десятки, называемые по главной территорiи части волости: Черничицкiй [3]), Сеневскiй [4]), Малевскiй [5]), Сухлицкiй [6]), Тетеровскiй [7]), Канюскiй [8]).

Районъ десятка обнимаетъ обыкновенно нѣсколько селъ, иногда „дворъ" (центральное хозяйственное мѣсто управленiя); такъ при описанiи двора Тетеровскаго замѣчено, что въ этомъ дворѣ былъ одинъ десятникъ съ селами, принадлежащими къ нему [9]); при описанiи двора Сеневскаго сказано, что къ этому двору былъ десятникъ одинъ въ с. „Глубочѣ, вмѣстѣ съ островами и селами, къ нему прилежащими" [10]). Иногда районъ десятка именуется „волостью"; такъ при спорѣ о сѣнокосахъ села Тучи между крестьянами и зе-

---

[1]) Ак. Вил. Ком. XVII, № 611.

[2]) Писц. кн. Фвальчев.. стр. 509, 511 и др.

[3]) Ibid. стр. 278, 320, 332 и др

[4]) Ibid. 560.

[5]) Ibid. 522.

[6]) Ibid. 522.

[7]) Ibid. 496.

[8]) Ibid. 513, 532 и пр.

[9]) Ibid. стр. 496.

[10]) Ibid. стр. 475.

млевладѣльцемъ Войною Григиновичемъ, послѣдній „далъ показаніе предъ нами (ревизоромъ) и волостью Сеневскою“ [1]). Эта волость Сеневская есть громада десятка Сеневскаго, который впрочемъ обнималъ всю территорію „двора“ Сеневскаго.

Этотъ примѣръ указываетъ, что десятокъ не есть только административная единица, что напротивъ жители десятка составляютъ общество, вѣдающее, между прочимъ, поземельныя отношенія жителей десятка и въ частности защищающее крестьянскія владѣнія отъ захвата частныхъ владѣльцевъ. Отсюда-же можно заключить, что десятокъ есть общество самоуправляющееся. Управленіе находится частію въ рукахъ народныхъ сходокъ („громады“), какъ видно изъ сейчасъ приведеннаго примѣра, частію въ рукахъ правителя десятка, который обыкновенно называется десятникомъ, но иногда „старцемъ“, какъ и представитель волости; напр. упоминается десятокъ старца Сухлинскаго и также волостного [2]); впрочемъ можетъ быть въ этомъ случаѣ разумѣется волостной старецъ, который въ то же время управлялъ центральнымъ волостнымъ десяткомъ. Власть десятниковъ, какъ и сорочниковъ и старцевъ, относилась только къ тяглому крестьянскому населенію, чѣмъ она совершенно отдѣляется отъ юрисдикціи хозяйственныхъ правителей, „державцевъ“, которымъ поручалось отъ князей и пановъ хозяйственное управленіе въ ихъ дворахъ. Въ число управляемыхъ общинными органами не входила так. обр. невольная челядь, населявшая „дворы“ и работавшая на частныхъ имуществахъ князя, или пана. Если районъ десятка совпадалъ съ территоріею двора, то десятникъ жилъ не во дворѣ, а въ центральномъ селѣ этого участка [3]).

Переходя къ вопросу о значеніи всѣхъ указанныхъ 4-хъ формъ въ сферѣ имущественныхъ отношеній, мы не беремся утверждать за ними значеніе цѣльныхъ поземельныхъ общинъ. Акты указыва-

---

[1]) Писц. кн. Фальчев. стр. 487.

[2]) Ibid. стр. 522.

[3]) Ibid. стр. 475.

ютъ, что земельными участками среди сотенъ, сорокбвъ, недѣль и десятковъ владѣли потомственно отдѣльныя дворища и даже семейства. Лишь иногда документы наводятъ на мысль, что и названныя общины могли быть совладѣльцами нѣкоторыхъ частей поземельныхъ участковъ; такъ (въ 1540 г.) была подана Гродне. старостѣ жалоба подданными господарскими Бобренскаго сорока—Павломъ Норвидовичемъ, Милошемъ Михновичемъ, Станусомъ Ондровичемъ и другими потужниками ихъ о томъ, что управитель сосѣдняго имѣнія кн. Коширскаго, нѣкто Москвитинъ, „наѣхавши силою и гвалтомъ съ рогатинами и сагайдаками *на собственную сѣножатъ нашу*, насъ двадцат человѣкъ перебилъ...., а шестерыхъ на смерть забилъ". Здѣсь совладѣльцами сѣнокоса оказываются по крайней мѣрѣ 26 чел.; а такъ какъ въ актѣ они обозначены только крестьянами Бобренскаго сорока, то можно подумать, что сѣнокосъ составлялъ собственность всей этой общины.

Выше былъ представленъ примѣръ „недѣли", владѣющей „пустошами", т. е. землями, оставшимися за выходомъ крестьянъ. На предметы этого рода (пустоши, сѣнокосы, лѣса и воды) очевидно община имѣетъ непосредственныя права.

Относительно земель, занятыхъ крестьянами, въ отдѣльности (т. е. по дворищамъ и семействамъ) мы, на основаніи большого количества актовъ, утверждаемъ, что представители и члены сотенъ, сорокбвъ, недѣль и десятковъ имѣли другое, не столь непосредственное, но очень важное значеніе въ имущественныхъ отношеніяхъ крестьянъ, а именно: община и ея представители наблюдали и охраняли права дворищнаго и семейнаго владѣнія при переходѣ имуществъ по наслѣдственному преемству, по договорамъ и при занятіи вновь земли внутри общины; напр. въ 1540 г. къ Гродне. подстаростѣ явился сотникъ колесницкій „съ бывшимъ колесникомъ и дѣтиною" (малолѣтнимъ), заявляя, что этимъ послѣднимъ двумъ принадлежитъ право наслѣдства на оставшееся послѣ умершаго родственника ихъ, именно право на 3-ю часть службы; судья утвер-

дилъ это право за ними [1]). Равн. обр. тогда-же и тамъ-же явился къ подстаростѣ сапникъ господарскій съ сотникомъ сапницкимъ, прося объ утвержденіи за нимъ его отчизной земли, оставшейся послѣ смерти отца его. Судья спросилъ сотника: дѣйствительно-ли проситель отчичъ той земли и можетъ ли дать по себѣ поруку, что будетъ исправлять сапницкую службу? Послѣ утвердительнаго заявленія сотника, судья призналъ за просителемъ право наслѣдства [2]).

Въ частности въ Гродиен. повѣтѣ по сорокамъ собирались *копы*, на которыхъ разсматривались имущественные споры крестьянъ, опредѣлялся повинностный характеръ ихъ и производился дѣлежъ ихъ. Нижеслѣдующіе факты приводятся въ докозательство этого: Въ 1540 г. является истицею крестьянка Бобренскаго сорока Кахна Юхнева со своими дѣтьми, и отвѣтчицею Зохна Петрова того-же сорока. Истица заявила, что отвѣтчица выпросила себѣ у господаря его милости (короля) всю землю Семеновщину на одну службу; но мужъ истицы имѣлъ право наслѣдства („близкость") на третью часть этой земли и, возвративъ отвѣтчицѣ третью часть ея издержекъ („накладовъ"), которые она на ту землю наложила, получилъ отъ нея эту третью часть, которую и завѣщалъ („отписалъ") своей женѣ; а теперь когда истица овдовѣла, отвѣтчица не дозволяетъ ей пользоваться ея частью. Отвѣтчица объяснила слѣд.: „когда я была вдовою послѣ смерти мужа своего и жила на отчинѣ мужа, то *сорочники ту землю—отчину мужа моего на двѣ службы и на двѣ дяклы раздѣлили*; тогда я, не имѣя возможности съ одной земли служить двухъ службъ, сошла было съ той земли прочь, а потомъ ходила къ господарю его милости, бьючи челомъ, что-бы его милость оставилъ меня по старому при одной службѣ; государь приказалъ Юр. Ник. Радивилу, тогдашнему старостѣ Городенскому, развѣдать о томъ. Староста выслалъ ключника своего на ту землю и онъ вполнѣ удостовѣрился отъ сорочниковъ и отъ людей суме-

---

[1]) Ак. Вил. Ком. XVII, № 157.

[2]) Ibid. XVII, № 195.

жниковъ, что съ той земли была одна служба, но что ее сорочники подѣлили на двѣ службы и на двѣ дяклы. Согласно такому показанію сорочниковъ и сумежниковъ, Радивилъ оставилъ Зохну при той землѣ на одной службѣ и далъ на то свой листъ. Послѣ того нѣкто Козакъ и (мужъ истицы) Юхно просили меня (говоритъ отвѣтчица), что-бы я ихъ припустила къ двумъ частямъ той земли, соглашаясь вернуть мнѣ мои „наклады"; и дѣйствительно Козакъ за часть накладовъ моихъ мнѣ полкопы грошей заплатилъ, и я ему уступила 3-ю часть той земли, а Юхно—мужъ Кахны накладовъ моихъ не возвратилъ и я ему земли не уступила". Судья нашелъ правою отвѣтчицу на слѣд. основаніяхъ: а) мужъ истицы сдѣлалъ распоряженіе о землѣ, которая ему не принадлежала; б) дѣти его еще несовершеннолѣтнія. Но судья, оставляя землю во владѣніи отвѣтчицы, не отвергалъ правъ наслѣдства на эту землю дѣтей Юхна, и когда достигнутъ совершеннолѣтія, тогда могутъ искать своихъ правъ наслѣдства судомъ [1]).

Выписанный примѣръ свидѣтельствуетъ о совмѣщеніи правъ частнаго лица, общины и государства.

Община (которая въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ преимущественно) имѣетъ наименьшія права; именно „мужи сорочники" могли только подѣлить одну и ту-же землю на двѣ службы, т. е. обременить ее двойными налогами, оставляя однако во владѣніи того-же лица; так. обр. община сохранила на этихъ земляхъ болѣе государственно-административное, чѣмъ частно-хозяйственное значеніе. Однако одного такого дѣйствія общины было достаточно, что-бы наслѣдственная владѣлица крестьянскаго участка бросила его и ушла прочь; приходилось заносить жалобу высшей государственной власти, что-бы рѣшеніе общины было уничтожено.

При другомъ случаѣ, именно въ 1539 г. сент. 8, господарскій человѣкъ Городенскаго повѣта Хилимонъ Лидинъ жаловался на свою мать Луцу, что она на ихъ собственной отчизнѣ каждый годъ сѣетъ

---

[1]) Ак. Вил. Ком. XVII, № 274.

„на бочку поля" (т. е. засѣваетъ въ свою пользу пространство, на которомъ помѣщается бочка сѣмянъ), между тѣмъ земля ихъ малая, а съ ней нужно службу служить; сверхъ того на ту-же землю пришелъ дядковичъ (двоюродный братъ) ихъ и хочетъ имѣть часть на той-же землѣ, такъ что при такихъ обстоятельствахъ они не могутъ служить службы. Отвѣчая на это, мать истца говорила: „уже меня съ тремя сынами моими *мужи дѣлили и приказали каждому изъ трехъ сыновей моихъ давать мнѣ по копѣ*; но они не хотѣли исполнить этого рѣшенія мужей и давать мнѣ по три копы жита въ годъ; тогда мужи приказали имъ давать мнѣ на „присѣванье" (на засѣвъ) по бочкѣ поля на каждый годъ. Два другихъ сына ея объявили: „мы уступаемъ матери нашей по бочкѣ поля на каждый годъ, но лишь одинъ братъ нашъ Хилимонъ не хочетъ ей уступить". Судья принявъ во вниманіе, что „матери ихъ на старости лѣтъ волочиться не годится", и имѣя въ виду раздѣлъ, совершенный „мужами", оставилъ отвѣтчицу при ея правахъ [1]). Въ этомъ примѣрѣ, роль общинъ въ поземельныхъ отношеніяхъ членовъ повидимому сводится къ простому *судебному* разбирательству ихъ; но основаніе этого права было, несомнѣнно, частное; разбирательство копы отнюдь не можетъ быть названо судебнымъ въ нашемъ смыслѣ слова. Это можно видѣть при слѣд. примѣрахъ: іюля 21-го, 1539 г. жаловалась подданная господарская Коробчина сорока Алексѣева Гонидовичъ на пасынка своего Сенка о пользованіи частію земли, оставленной мужемъ истицы и отцомъ отвѣтчика. По увѣренію пасынка отецъ „отказалъ" ему 3-ю часть этой земли; а по показанію мачихи—не отказывалъ; она сама, имѣя своихъ 4-хъ сыновей отъ того-же отца, допускаетъ пользованіе для всѣхъ ихъ въ равныхъ частяхъ, т. е. для каждаго въ 5-й части. Возражая на это, пасынокъ говорилъ слѣд.: „отецъ мой, *„собравши копу людей добрыхъ, учинилъ со мной разсчетъ* („рахунокъ") еще при жизни своей и мнѣ 3-ю часть полей своихъ отказалъ". Стороны сослались на

---

[1]) Ак. Вил. Ком. XVII, № 98.

одного изъ свидѣтелей этого разсчета; свидѣтель показалъ, что наслѣдодатель, дѣйствительно, „чинилъ разсчетъ съ своимъ сыномъ, и какъ статокъ—животину, такъ и овецъ, свиней мы дѣлили между ними“, но что полей никакихъ ему отецъ не отказалъ. Дѣло окончилось въ пользу мачихи [1]).

Вмѣшательсто общины въ имущественныя отношенія своихъ членовъ видно также изъ слѣд. случая. Іюля 7-го, 1539 г. жаловалась вдова—крестьянина Новой недѣли на братьевъ своего мужа, которые, по смерти мужа ея, не хотятъ выдать ей ея статки и выгоняютъ изъ дому вонъ. Деверья ея, отвѣчая, говорили такъ: „мы ее изъ дома не гонимъ; что-же касается до ея имущества, то мы на то *два раза копу собирали, и что нашла копа, то мы ей отъ всего имущества* брата нашего *выдѣлили* и ей отдали“. Вопросъ заключался лишь въ томъ, что она желаетъ принять примака (т. е. ввести новаго мужа) въ тотъ-же домъ· отвѣтчики сомнѣвались, дозволитъ-ли ей то „панъ“ (мѣстный староста). Судья перенесъ дѣло къ пану; но въ назначенный срокъ истица не явилась [1]).

Два послѣдніе примѣра рѣшенія имущественныхъ вопросовъ копою интересны въ томъ отношеніи, что въ обоихъ, особенно въ первомъ не видно никакой жалобы ни съ чьей стороны: отецъ, дѣлая свое распоряженіе имуществомъ въ пользу сына, дѣлаетъ его въ присутствіи копы и съ ея участія; деверья, дѣлая разсчетъ со снохою, собираютъ копу, и собираютъ именно они, а не сноха, считающая себя обиженною.

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ, кромѣ перваго, дѣйствующею является *копа*, безъ опредѣленія ея предѣловъ; т. е. не указывается было-ли то собраніе жителей одного села, или нѣсколькихъ сосѣднихъ селъ. Какъ извѣстно, копа есть понятіе дѣйствительно неопредѣленное по объему; иногда составъ ея опредѣлялся фактомъ, вызвавшимъ созывъ копы, напр. по дѣламъ уголовнымъ,

---

[1]) Ак. Вил. Ком. XVII, № 48.

[2]) Ibid. № 32.

если обвинитель жилъ въ одномъ селѣ, а обвиняемый въ другомъ, то составлялась копа изъ обоихъ селъ,—въ противномъ случаѣ изъ одного. Въ дѣлахъ-же имущественныхъ копа должна была имѣть болѣе опредѣленноости; она должна была состоять изъ тѣхъ людей, которые обязаны были круговою отвѣтственностію по отбыванію повинностей со своихъ имуществъ. Вотъ почему мы считаемъ себя въ правѣ распространить указаніе перваго изъ вышеприведенныхъ примѣровъ на всѣ послѣдующіе, т. е. полагаемъ, что на упомянутыхъ копахъ собираются мужи—сорочники. Въ подтвержденіе этого можемъ привести еще примѣръ: въ 1541 году спорили между собою предъ Гродненскимъ судомъ крестьянинъ Бѣльчина сорока со своимъ двоюроднымъ братомъ—крестьяниномъ того-же сорока о выдѣлѣ вторымъ первому третьей части усадьбы; судья приказалъ разсмотрѣть это дѣло мужамъ Бѣльчина сорока, именно четыремъ, поименно назначеннымъ. Мужи „досмотрѣли о томъ и такъ донесли судьѣ: по суду оказалось („съ права значилося"), что истецъ потерялъ свое право на хоромы, которые ему могли достаться, потому что по людямъ волочился". Судья рѣшилъ согласно съ приговоромъ мужей („водлугъ тыхъ мужей"). Слѣдуетъ думать, что и во всѣхъ другихъ случаяхъ тяжбъ объ имуществѣ, копы для рѣшенія дѣла составлялись изъ сорочниковъ, или членовъ другихъ (3-хъ) формъ общинъ, которые отвѣчали за исправность въ исполненіи повинностей съ имуществъ своихъ сочленовъ.

Вотъ тѣ немногія черты значенія численныхъ (и въ тоже время) территоріальныхъ общинъ въ западной Россіи, какія намъ удалось собрать. Сравнивая ихъ съ извѣстнымъ и установленнымъ значеніемъ сѣверно-русскихъ общинъ находимъ, что хотя здѣсь—на западѣ повторяются тѣ же основныя формы ихъ, но дополняются другими, которыя хотя и существовали на сѣверѣ, но давно потеряли тамъ имущественное значеніе и сохранили лишь административное.

Представленные выше факты даютъ нѣкоторую возможность сдѣлать выводы и *о происхожденіи такихъ общинъ*, т. е. о томъ вопросѣ, который былъ поставленъ нами въ началѣ: были ли онѣ

образованы искусственно вліяніемъ государственной системы повинностей, или составляютъ естественное, бытовое явленіе.

На первый отвѣтъ, повидимому, наводятъ самыя наименованія такихъ общинъ. Все населеніе было подѣлено на сотни, десятки и сороки для равномѣрнаго взысканія налоговъ и отправленія натуральныхъ повинностей. Дѣятельность общинныхъ властей обнаруживается преимущественно тогда, когда возникаетъ вопросъ: въ состояніи ли такой-то членъ общины отправлять службу со своего участка, или наоборотъ — на него можно накинуть добавочную службу. Поэтому дѣла рѣшаемыя общиною, касаются главн. обр. дѣлежа имущества между наслѣдниками. Вообще повинностное значеніе такихъ общинъ несомнѣнно.

Однакожъ этимъ отнюдь не рѣшается вопросъ о ихъ происхожденіи: устроило ли ихъ государство для своихъ финансовыхъ цѣлей или оно распредѣлило свои повинностныя требованія по готовымъ—бытовымъ единицамъ (и тѣмъ, конечно, видоизмѣнило ихъ первобытный характеръ)?

Прежде всего надо утвердительно сказать, что первоначальное устройство численныхъ общинъ не можетъ быть отнесено къ XVI, XV, или XIV вѣкамъ, вообще ко времени Литовскаго владычества. Мы находимъ ихъ въ памятникахъ той же мѣстности Западной Россіи, относящихся къ XIII в., т. е. къ Рюриковской эпохѣ.—Волынскій князь Мстиславъ въ 1294 г. наказалъ жителей Берестейской земли наложеніемъ на нихъ такой дани за измѣну: „со *ста* по двѣ лукнѣ меду, по 2 овцѣ, по 15 десятковъ лну, а по 100 хлѣба, а по 5 цебровъ овса, а по 5 цебровъ ржи, а по 20 куровъ,—а по толку со всякаго *ста*, а на горожанѣхъ 4 гривны купъ“. Так. обр. и въ XIII в. предъ нами является та же „сотня“, съ такимъ же повинностнымъ характеромъ, какъ и въ XVI в.; эта форма общины обнимаетъ все сельское населеніе, но не горожанъ, которые выступаютъ одною цѣльною общиною.

Если мы еще подвинемся дальше въ глубь древности, то найдемъ, что въ X, XI и XII вв. сотенное дѣленіе общества обнимало

все населеніе государства; такъ по уставу о мостовыхъ, приложенному къ Русской Правдѣ, В. Новгородъ дѣлился на 10 сотенъ. Думать надобно, что и всѣ прочіе города и ихъ земли строились по той же численной системѣ, ибо единственныя власти, которыхъ приглашалъ къ себѣ Владиміръ св. для пировъ и совѣтовъ были *сотскіе* и *десятскіе*; высшій сановникъ государства именовался *тысяцкимъ*.

Эти древнѣйшія сотни уже лишены повинностнаго характера; въ древнихъ памятникахъ (X в.) указывается, что дань (и другія повинности) распредѣляется по дымамъ или раламъ, а въ XII в. (судя по уставнымъ грамотамъ Смоленской и Новгородской) по погостамъ (чисто территоріальнымъ единицамъ).—А отсюда слѣдуетъ, что сотни, десятки и другія численныя общества отнюдь не обязаны своимъ происхожденіемъ финансовымъ мѣрамъ государства, что государство располагало свои финансовыя требованія по готовымъ земскимъ единицамъ древнѣйшаго образованія, между прочимъ въ послѣдствіи по сотнямъ и десяткамъ.

Полагаемъ, что къ такимъ же древнимъ бытовымъ формамъ относятся и т. н. сороки, хотя этого термина въ древнихъ памятникахъ не встрѣчаемъ, да и въ позднихъ находимъ только въ одномъ углу Литовскаго государства (какъ сказано было выше). Наше мнѣніе о древности сороковъ опирается на то соображеніе, что всѣ другія системы счисленія, кромѣ десятичной (12—членная, 8—членная и др.) предшествовали десятичной, которая потомъ вытѣснила ихъ, оставивъ незначительные слѣды лишь въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ народныхъ формахъ. Такъ древнѣйшій видъ товаровъ, которымъ наши предки снабжали другія страны, именно пушные (звѣриныя шкуры), въ Москвѣ до очень поздняго времени считался на сорока. Этотъ же терминъ, въ примѣненіи къ людямъ, уцѣлѣлъ въ XVI в. лишь въ одномъ затерянномъ углу Литовскаго государства.

Болѣе сомнѣній можетъ возбудить терминъ: „недѣля“. Извѣстно, что въ Кіевской и Полѣсской областяхъ окрестные жители отправ-

ляли службы въ замкѣ поочередно; по „недѣлямъ“ давали сторожу къ замку, наблюдали на дорогахъ (шляхахъ), не приближается ли откуда непріятель (татары) и т. д. Естественно подумать, что именно изъ такого распредѣленія повинностей возникли между жителями и общества, называемыя „недѣлями“. Но едва ли и этотъ выводъ будетъ справедливъ, если вспомнить, что (какъ сказано было выше) недѣля съ одн. стороны стоитъ въ тѣсномъ соотношеніи съ волостью, а съ другой—съ сотнею; а въ бытовомъ (естественномъ) происхожденіи этихъ единицъ не можетъ быть сомнѣнія. Быть можетъ искусственно создано лишь самое наименованіе—„недѣля“ и приложено къ древнимъ готовымъ единицамъ.

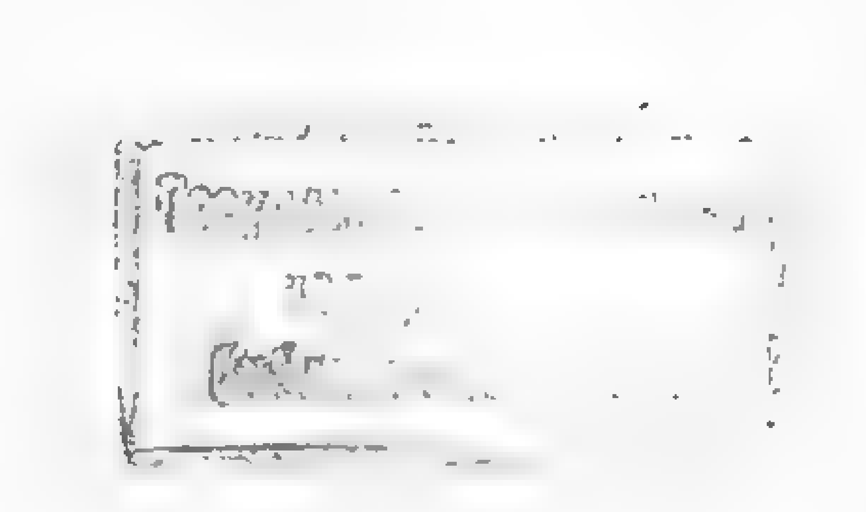
Это послѣднее соображеніе наводитъ насъ на нѣкоторые общіе выводы (отчасти подсказанные уже и прежними замѣчаніями), а именно: не фискальными мѣрами государства создавались общины, а наоборотъ древнія общественныя единицы вліяли на фискальную систему, которая пріурочивала къ нимъ свою податную организацію. Прежде всего такой ходъ дѣла представляется самымъ естественнымъ: если населеніе имѣетъ уже свои самобытныя единицы (общины), то государству незачѣмъ выдумывать и создавать искусственно новыя; ничто не препятствовало ему воспользоваться существующимъ готовымъ строемъ.—Но такая примѣсь искусственнаго элемента къ бытовому не могла не воздѣйствовать на нѣкоторое измѣненіе бытовыхъ формъ, а главное—ихъ функцій: задачею ихъ дѣятельности, кромѣ прежнихъ имущественныхъ и административныхъ вопросовъ, становятся (иногда даже на первомъ планѣ) вопросы финансовые. Самыя имущественныя отношенія получаютъ такую же окраску; напр. предоставленное имущество тому или другому лицу при наслѣдствѣ или раздѣлѣ опредѣляется его платежною способностію.

Однако, и при такомъ измѣненіи бытовыхъ формъ, прежній общинный характеръ ихъ далеко не изчезъ. Если „недѣля“ имѣетъ въ своемъ распоряженіи общинныя земли, то это отнюдь не есть результатъ податной связи ея членовъ. Общинныя земли

никто не давалъ ей, не приписывалъ къ ней; онѣ принадлежали ей по такому же основанію, по которому владѣла окрестною землею волость или село.

Подводя общіе итоги къ сказанному теперь въ дополненіе къ тому, что было сказано нѣсколько лѣтъ назадъ, находимъ, что въ глубокой древности общины имѣли огромное владѣльческое значеніе, которое на глазахъ исторіи блѣднѣетъ и наконецъ изчезаетъ. Общины, стоявшія во главѣ волости и владѣвшія всею окрестною страною, постепенно уступаютъ свои права отдѣльнымъ меньшимъ общинамъ—селамъ. Въ юго-западной Россіи, однако, сохранялись еще въ XVI в. ясные слѣды древнѣйшаго громаднаго значенія волостей въ украинскихъ южныхъ земляхъ, когда напр., Черкасская городская община владѣла значительными частями нынѣшнихъ территорій Кіевской, Екатеринославской и Полтавской губерній. Но и тамъ съ конца XVI в. картина измѣнилась весьма быстро чрезъ развитіе частнаго землевладѣнія, а затѣмъ въ пол. XVII в. отдѣльныхъ (казацкихъ) общинъ—городовъ и селъ.—Примѣры, приведенные нами для полѣсскихъ странъ показываютъ, что тотъ-же процессъ совершался тамъ гораздо раньше: сельскія общины отвоевали себѣ всѣ прежнія права волостей: но затѣмъ и сами уступили дорогу дворищамъ, а дворища разложились на дымы; владѣльничьи права дымовъ уже почти совпадаютъ съ правами отдѣльныхъ семействъ, что въ свою очередь приблизило наступленіе личной индивидуальной собственности.

Такая же судьба постигаетъ и численныя организаціи общинъ, которыя возникали въ незапамятныя доисторическія времена, какъ цѣльныя общины, между прочимъ снабженныя имущественными правами, но затѣмъ, подъ вліяніемъ финансовыхъ требованій государства, постепенно превратились въ административныя съ едва замѣтнымъ остаткомъ имущественныхъ правъ. Существенная же часть владѣльческихъ правъ сосредоточивалась уже тогда (въ 1-й пол. XVI в.) въ рукахъ отдѣльныхъ родовъ и семействъ. Таковъ вообще неизбѣжный ходъ дѣла у всѣхъ историческихъ народовъ.

Окончивъ рѣчь объ отношеніи численныхъ (кажущихся искусственными) формъ общества и землевладѣнія къ другимъ бытовымъ формамъ, считаемъ нелишнимъ присоединить нѣсколько словъ о такой формѣ, которая, хотя не имѣетъ ничего общаго съ вышеизложенными, но въ которой съ особенною ясностію соприкасается искусственный (договорный) элементъ съ естественнымъ родовымъ. Это т. н. *сябреное владѣніе.*

Общее—сябровое, себровое, себреное владѣніе частію служитъ восполненіемъ дворищнаго совладѣнія, частію можетъ быть установлено искусственно (на договорномъ началѣ).

Терминъ «себреное» прилагается прежде всего къ естественно образовавшемуся совладѣнію нераздѣленныхъ наслѣдниковъ; такъ братъ жалуется на брата (въ 1540 г. въ Грод. судѣ) о забраніи его сѣна съ сѣнокоса. Отвѣтчикъ говоритъ, что «сеножать есть *моя весполокъ* съ нимъ сяброваяۥ». Братья должны были пользоваться ею поочередно черезъ годъ [1]).

Въ такомъ смыслѣ сябреное владѣніе есть терминъ, замѣняющій названіе (общинно) родового совладѣнія.

Въ 1540 г. Город. сорочникъ Максимъ Дворяниновичъ искалъ на родномъ братѣ своемъ «хоромъ (построекъ), которыя осталися по смерти отца нашего мнѣ съ нимъ себреныи»; но изъ духовной, представленной въ судъ, оказалось, что отецъ оставилъ хоромы одному сыну (отвѣтчику) [2]). Въ этомъ случаѣ терминъ „себреное" означаетъ просто общее владѣніе, источникъ котораго право наслѣдства.

Крестьянка ищетъ на *деверѣ* своей части въ себреномъ житѣ, которое тотъ, обмолотивши, увезъ къ себѣ [3]).

Но вотъ случай искусственнаго установленія сябреныхъ отношеній; мѣщанка жалуется на осочника: „поставили мы жита съ

---

[1]) Ак. Вил. Ком. XVII, 420.

[2]) Ibid. XVII, № 444.

[3]) Ibid № 762.

нимъ себренаго на его гумнѣ $121^1/_2$ копу, кромѣ прошлогодняго, также себренаго съ нимъ—7 копъ; а теперь онъ не даетъ мнѣ моей половины". Отвѣтчикъ соглашался: „она со мною себровала"; но себренаго жита было гораздо меньше. Истица рѣшилась подтвердить искъ присягою [1]).

Договорное образованіе сябренаго владѣнія можетъ быть уяснено особенно при помощи примѣровъ, относящихся къ владѣнію движимостію: къ Гродненскому судьѣ явился крестьянинъ Чопорова сорока́ Андрей Потаповичъ съ своею невѣсткою и занесъ жалобу на крестьянку Васильцовую Машуту о томъ что „она, имѣя вмѣстѣ съ нимъ 20 пчелъ себреныхъ, въ этомъ году сама *подлазила* этихъ пчелъ и половины меду дать не хочетъ". Отвѣтчица заявила: „никакихъ съ ними себреныхъ пчелъ не имѣю и *никогда съ ними не сяброваламъ* и ничѣмъ ему не должна" („невинна"). Истцы увеждали, что въ прошлый годъ она давала имъ половину меду съ этихъ себреныхъ пчелъ, и что въ этомъ году только не даетъ. Истецъ сослался на другихъ лицъ въ доказательство того, что „мы издавна съ нею этими пчелами сябруемъ", а именно на Яковца Олейковича—себра своего, „который ежегодно дѣлилъ между ними медъ себроный, и у котораго въ дому находятся эти пчелы наши себроныя". Олейковичъ показалъ, что онъ не знаетъ, что-бы истцы имѣли право на половину меда отвѣтчицы и онъ самъ никогда между ними меду не дѣлилъ; что-же касается 10 ульевъ пчелъ, которые находятся въ его домѣ, то „къ этимъ пчеламъ насъ сябровъ четыре; она съ мужемъ своимъ, я съ братомъ, а четвертый Онисимъ Олисѣевичъ; мы издавна этими пчелами сябруемъ, а тотъ Андрей и его невѣстка никакого права къ нимъ не имѣютъ". [2])

Этотъ послѣдній примѣръ указываетъ на договорное образованіе сябреннаго владѣнія выраженіями: „я никогда съ нимъ не сябровала", и особенно слѣдующимъ: „и ничѣмъ ему не должна"

---

[1]) Ак. Вил. Ком. № 739.
[2]) Ibid. XVII, № 418

(,,невина''); обязательство (,,вина'') можетъ возникнуть изъ договорныхъ отношеній.—Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ сяброванье есть не болѣе, какъ договоръ товарищества между лицами, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ раздѣленными и самостоятельными. Договорное образованіе сябреныхъ отношеній является въ случаяхъ, не столь многочисленныхъ, какъ образованіе общинно-родового совладѣнія. Изъ этого можно вывести, что сябреное владѣніе есть только остатокъ этого послѣдняго. Тотъ-же выводъ можно сдѣлать и изъ разсмотрѣнія лицъ—сябровъ. Сябрами являются: родные братья [1]), деверь и невѣстка [2]), дядковичи [3]). Тамъ, гдѣ родство между сябрами не указывается, о немъ можно заключить по ихъ фамильямъ. Сябры—сторонніе другъ—другу составляютъ исключеніе.

Общее или сябреное владѣніе простиралось на разные виды имуществъ; такъ, находимъ, въ Гродн. повѣтѣ спорили рыболовъ Лихачъ съ рыбол. Куруковичемъ и его потужникомъ Дешуковичемъ. Первый признавалъ гай посполнымъ, вторые отрицали право общаго владѣнія и признавали своею частною собственностію (,,свой умѣстный''); но свидѣтели показали, что еще при отцахъ шелъ споръ (,,копа'') о томъ-же гаѣ между стороннимъ лицомъ (Жорославцемъ) и вышеупомянутыми, причемъ всѣ они (нынѣшніе противники) были на одной сторонѣ. Судъ утвердилъ общее владѣніе [4]). Въ сябреномъ владѣніи могли быть—сѣножати [5]) и пахатныя земли [6]). „Себренымъ" можетъ быть *садъ* у разнофамильныхъ владѣльцевъ (Павла Внучка, Кмита Судовкевича, и Дашка Андрейковича—бояръ Гродпен.) [7]).—Себрованными могли быть *пчелы*; такъ корол. крестьяне Старой Засидранской волости (въ Гродн. пов.) Лемешко и братъ

---

[1]) Ак. Вил. Ком. XVII, № 20.

[2]) Ibid. № 762.

[3]) Ibid. № 936

[4]) Ibid. XVII, № 208.

[5]) Ibid. № 373.

[6]) Ibid. № 382.

[7]) Ibid. № 401.

его Андрушко жаловались на другихъ „братьевъ своихъ“ Креглевичей, что они не хотятъ ни допустить ихъ къ „подлаживанію“, ни дѣлиться съ ними „властными отчизными уленицами, которыя суть „себрованыи“ у жалобщиковъ съ отвѣтчками. Отвѣтчики соглашались, что „мы съ ними себреныи и отчизныи пчолы уленицы держимо“, но къ пользованію ими не допускаютъ истцовъ потому, что эти послѣдніе въ свою очередь не допускаютъ ихъ къ владѣнію общею волокою, которую приняли съобща [1]).

Сябренымъ или себренымъ могло быть *гумно*; такъ крестьянинъ жаловался на боярина, что онъ не выдаетъ жита съ гумна, которое „тесть его съ братьею его и съ нимъ самымъ себреное мелъ“ [2]); но при этомъ оказывается, что собственно въ общемъ владѣніи было жито, сложенное на гумнѣ и полученное съ общей (сябреной) земли.

Права сябровъ на общее имущество заключаются въ общемъ пользованіи этимъ имуществомъ, которое могло состоять или въ общей обработкѣ и раздѣлѣ продуктовъ пропорціонально правамъ сябровъ, или поочередномъ пользованіи землею (черезъ годъ), или въ совмѣстной обработкѣ отдѣльныхъ частей себреной земли. Въ 1540 г. Гродненскому подстаростѣ жаловался крестьянинъ Томко Миколаевичъ на крестьянку Попку Миколаевую, что „она покосила одна сама 15 стоговъ сѣна на нашей себреной сѣножати, и мнѣ половины не даетъ“. Отвѣтчица заявила: „правда, что эта сѣножать общая наша съ нимъ и другими сябрами, и я не одна косила, а съ другими сябрами нашими, безъ которыхъ не хочу отвѣчать ему“. Судья приказалъ оставить покошенное сѣно на мѣстѣ впредь до пріѣзда и рѣшенія самого старосты [3]). Изъ этого примѣра видно, что защита сябренаго владѣнія не только противъ стороннихъ лицъ, но и противъ одного изъ сябровъ требуетъ участія всѣхъ сябровъ.

---

1. Ак. Вил. Ком. XVII, № 455, еше 418.
2) Ibid. № 725.
3) Ibid. XVII, № 373.

Общее пользованіе пахотными участками представляло нѣкоторыя затрудненія при своемъ осуществленіи. Каждый изъ сябровъ могъ обрабатывать одну часть сябровой земли, но эти части могли быть не равнаго достоинства, а потому и здѣсь допускалась общая обработка и раздѣлъ продуктовъ: мураль господарскій Ходоръ Михалевичъ предъявилъ искъ на Павла Грипкевича, о томъ, что этотъ послѣдній, посѣялъ на участкѣ, который уже былъ вспаханъ первымъ на общей сябровой землѣ двухъ тяжущихся и третьяго нѣкоего Васка. Отвѣтчикъ заявилъ, что истецъ въ свою очередь можетъ сѣять на участкѣ, вспаханномъ имъ. Судья, для прекращенія такихъ пререканій, приказалъ имъ ввести общую обработку и раздѣлъ продуктовъ: „должны они всѣ три, вмѣстѣ сложивши сѣмена, орать вмѣстѣ на всей ихъ общей землѣ, т. є. какъ на хорошихъ, такъ и на худыхъ частяхъ ея, вмѣстѣ посѣять и также, вмѣстѣ пожавши, раздѣлить между собою на три части“ [1]).

Возможно было также установленіе поочереднаго пользованія вещію: два крестьянина—родные братья Сапъ и Радюкъ Пешковичи заспорили о сѣнокосѣ; первый жаловался на второго, что онъ забралъ стогъ сѣна „безъ бытности моей нѣтъ вѣдома въ которой обычай“. Отвѣтчикъ объяснилъ, что сѣнокосъ общій у нихъ—сяброный, что въ прошломъ году истецъ покосилъ сѣно и забралъ и отвѣчикъ долженъ былъ въ этомъ году косить для себя; но первый и теперь покосилъ, почему отвѣтчикъ счелъ себя въ правѣ забрать покошенное сѣно [2]).

Изъ сябренаго совладѣнія вытекаетъ защита права на судѣ цѣлымъ товариществомъ: какъ истцамъ, такъ и отвѣтчикамъ по тяжбѣ о сябреной вещи являются всѣ сябры: вотъ примѣръ (кромѣ другихъ, указанныхъ выше): на судъ (къ Гродненскому подстаростѣ) явился подданный господарскій Ивашко стрихарь съ сябрами своими Мискомъ Петричичемъ и Степаномъ Петричичемъ и привелъ съ

---

[1]) Ак. Вил. Ком. XVII, № 382.

[2]) Ibid. VII, № 420.

поличнымъ крест. Радивона Васильевича, который ,,медъ выдралъ изъ дерева бортнаго нашего“ [1]).

Сябры могутъ находиться или въ полномъ общемъ владѣніи (по всѣмъ главнымъ имуществамъ), или могутъ быть раздѣльными владѣльцами всѣхъ другихъ имуществъ, имѣя въ совладѣніи только одну извѣстную часть ихъ; напр. бояре господарскіе Павелъ Внучко, Кмита Судовкевичъ и Дашко Андрейковичъ жалуются (Гродненск. судьѣ) на Яна Внучка, что онъ ,,садъ нашъ властный отчизный себровый насильственно гвалтомъ взялъ и плотомъ (плетнемъ) огородилъ“. Но въ тоже время одинъ изъ сябровъ, именно Павелъ Внучко жаловался на того-же Яна, что онъ ,,забралъ гвалтомъ сѣножать мою отчизную“, а остальные два, что тотъ-же Янъ отнялъ у нихъ селище ихъ властное отчизное [2]).

Сонаслѣдники, дѣля между собою полученное наслѣдство, часть его могли оставить въ общемъ—себреномъ владѣніи; но со временемъ наступалъ, обыкновенно раздѣлъ и этой послѣдней части: въ 1541 г. бояре Гродненскіе Куница и его братья заключили условіе съ дядковичами (двоюр. братьями) своими—Ондреемъ Миколаевичемъ и другими братьями его о томъ, что-бы, назначивъ срокъ для раздѣла своихъ себреныхъ сѣнокосовъ, пахатной земли и дубравъ, покосить сѣно на этихъ сѣнокосахъ вмѣстѣ, затѣмъ свезти въ одно мѣсто и отдать на храненіе стороннему человѣку впередь до раздѣла. Но такъ какъ, кромѣ той земли и сѣнокосовъ, которые совладѣльцы имѣютъ себреными, у каждаго изъ нихъ были отдѣльныя земли и сѣнокосы, то рѣшено—не подвергать ихъ передѣлу [3]).

Тогда-же и тамъ-же возникло дѣло между обруснымъ господарскимъ Ярмолою Андреевичемъ и бояриномъ господарскимъ Сенькомъ Өедоровичемъ о возвращеніи вторымъ первому его части себренаго жита, которое умершій тесть истца поставилъ на гумнѣ отвѣтчика;

---

[1]) Ак. Вил. Ком. XVII, № 595.
[2]) Ibid. XVII, № 401.
[3]) Ibid. XVII, № 936.

впрочемъ самое гумно истецъ признаетъ себренымъ между тестемъ своимъ, отвѣтчикомъ, и братьями послѣдняго. На судѣ отвѣтчикъ заявилъ, что жито, стоящее на его гумнѣ, принадлежитъ ему одному. Дѣйствительно, стояла на его гумнѣ и «стирта» (скирдъ) себренаго жита съ тестемъ истца, но этотъ послѣднiй давно уже отдалъ его за долгъ еврею. Въ доказательство частной принадлежности паличнаго жита истецъ утверждалъ, что оно пожато не на общей землѣ Антоновщинѣ, а на его отдѣльныхъ участкахъ [1].

На судѣ не выяснилось, въ какомъ отношенiи тяжущiеся были другъ къ другу и какъ пришли они въ совладѣнiе однимъ участкомъ, имѣя прочее имущество въ раздѣльномъ владѣнiи; можно лишь догадыватся, что то было разультатомъ сонаслѣдованія.

Иногда даже трудно догадаться, въ какомъ отношенiи два лица суть сябры другъ другу, хотя и называются такъ; напр. въ 1560 г. Слонимскому уряду жаловался кр. Рудневичъ на кр. Гринца-Алцуховича—«сябра своего» о покражѣ жита изъ гумна; оказалось, что у нихъ гумно „на одномъ мѣстѣ", но не общее [2]). Быть можетъ они были совладѣльцами участка земли и подѣлили уже продукты. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что сябреное владѣнiе могло имѣть специальное значенiе только въ формѣ договорнаго совладѣнiя; но и въ этой формѣ оно играетъ не особенно видную роль среди другихъ естественныхъ вышеизложенныхъ.

М. Владимiрскiй-Будановъ.

20 ноября 1908 г.

---

[1]) Ак. Вил. Ком. XVII, № 725.

[2]) Ibid. XVII, № 5.

